

Н. Ф. Анненский. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Н. Ф. Анненский. Максим Горький

В 90 или 91 году, в Н.-Новгороде у адвоката Щеглова, Павел Скворцов, один из первых проповедников Маркса, читал свой доклад на тему об экономическом развитии России. Читал Скворцов невнятно и сердито, простудно кашлял, задыхался дымом папиросы. Слушали его люди новые для меня и крайне интересные: человек пять либеральных адвокатов, И.И.Сведенцов, старый, угрюмый народоволец-беллетрист, много писавший под псевдонимом Иванович; благожелательный барин-революционер А.И.Иванчин-Писарев; Аполлон Карелин, длинноволосый, как поэт Фофанов; Н.Н.Фрелих, красавец, о котором я знал, что он тоже революционер. Было и ещё несколько таких же солидных людей, с громкими именами, с героическим прошлым.

Когда Скворцов кончил читать, на него почти все закричали, но особенно яростно – брат казнённого Степана Ширяева, Пётр, человек бородатый, с лицом алкоголика. Грубо кричал Сведенцов, ему вторил Егор Васильевич Барамзин, тяжело переживавший в то время свой отход от народничества к марксизму. Скворцов огрызнулся во все стороны, размахивая длинным камышовым мундштуком, но сочувствующих ему в гостиной не было, его не слушали, забивали криками, уже оскорбляли. Сведенцов, сказав что-то очень сильное, проклинаящее, парадно отошёл в угол, в облако синего дыма, а навстречу ему из угла поднялся плотный человек, седоватый, с красным лицом и в костюме более небрежном, чем на всех остальных; не то чтоб он был бедно одет, но именно небрежно, как человек, не чувствующий нужды украшать себя извне.

– Я протестую, господа, – сказал он неожиданно молодым голосом; глаза у него тоже были очень молодые, ясные; помню, я подумал: "Вот удивительные глаза!"

Откровенно поддёрнув брюки, что вышло у него вовсе не смешно, он выдвинулся из дыма и горячо, но не сердито, а как-то особенно неоспоримо и внушительно стал говорить об уважении к человеку и свободе человеческой мысли. Мне очень понравилась необыкновенная ясность его речи, умелый подбор простых, но веских слов, они ложились в память, как слова песни.

– Человеческая мысль, стремясь разрешить загадки жизни, имеет право ошибаться, – сказал он между прочим.

Эти слова пришлись мне так по душе, что я впоследствии попросил Николая Фёдоровича написать их на оттиске его статьи "О катедер-социалистах".

Расхаживая "на поисках истины" из квартиры в квартиру "неблагонадёжных" людей, я несколько раз встречал Н.Ф. у Н.И.Дрягина, где собирались воспитанные Анненским известнейшие статистики: Кисляков, Константинов, остроносый Шмит, маленький М.А.Плотников и много других людей.

Каждая встреча с Николаем Фёдоровичем вызывала у меня удивление перед этим человеком и углубляла уважение к нему. Удивляла меня бодрость его духа, его вера и добрые силы жизни, его рыцарское отношение к человеку.

Во время столкновения двух миропониманий, непримиримых по сущности своей, были люди, переживавшие свой личный раскол глубоко и тяжело, но встречалось немало любителей новизны, которые слишком торопливо натягивали европейский костюм марксизма на русский зипун народничества. Не один раз случалось мне наблюдать, с какой удивительной чуткостью, как бережно относился Н.Ф. к первым и с каким безжалостным остроумием обнажал он суетливую поспешность вторых.

В речах своих он был юношески горяч, великолепно владел острым словом, метко, как художник, попадал им в цель; он умел высмеять противника, даже немножко уязвить его, но я не помню случая, когда бы его слово обидно задело человека. Всегда бывало так, что противник вместе с другими искренно смеялся над тем, как Н.Ф., поймав его на противоречиях, ставил в тупик. Помню, возражая Барамзину, он так и начал:

– Рыбу ловят на червей, человек – на противоречиях.

Он был по-русски красноречив, и особенно подкупало меня блестящее умение, с

Н. Ф. Анненский. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
которым он владел афоризмом, этой характерной особенностью подлинной русской речи. Точно фольклорист, он знал бесчисленное количество поговорок, поговорок и артистически вплетал их в свою яркую речь, однако не перегружая её. Не знаю, это ли называется "талантом оратора", но слушать его было наслаждением. Помню, что по поводу какой-то статьи М.Меньшикова о Льве Толстом или о князе Вяземском, толстовце, он сказал:

- Верблюд, рассказывая о коне, неизбежно изобразит его горбатым.

Два человека были для меня в ту пору "настоящими" - В.Г.Короленко, который всегда знал, что надобно делать, и говорил о трудных делах жизни со спокойствием стоика, и Н.Ф.Анненский, чья духовная бодрость действовала благотворно на меня, переживавшего в ту пору весьма тяжёлые дни. Конечно, эта бодрость заражала всех, кто знал его, но мне она была действительно "лекарством по недугу".

В лице Н.Ф. я видел человека, который счастлив тем, что он живёт, и тем, что умеет наслаждаться делом, которое он делает.

Через десять лет я видел Н.Ф. в Петербурге, на демонстрации 4 марта. Как раз в тот момент, когда казаки и полиция со свирепостью, которая вначале показалась мне наигранной и театральной, - так неестественно внезапно была она, - так вот в минуту, когда пьяное воинство бросилось в толпу демонстрантов, тесно сгрудившуюся на паперти и на крыльях между колонн Казанского собора, я увидел характерную фигуру Николая Фёдоровича.

Он один бежал от монумента Баркляя-де-Толли встречу публики, стремительно спасавшейся от избиения, бежал к паперти, где уже сверкали шашки, шлёпали нагайки, мелькал красный флаг и откуда раздавался оглушительный, тысячеустый вой, рёв, стон. Казаки, ловко поворачивая лошадей в людском потоке, гикали, сбивали бежавших с ног, хлестали нагайками по головам. Пешая полиция била шашками плашмя. Полицейские были, кажется, трезвы, а казаки - пьяны, это я знаю совершенно точно, видел, как легко стаскивали их за ноги с лошадей и выбивали палками из седел. Николая Фёдоровича я, конечно, тотчас потерял из глаз.

Вечером он пришёл в Дом литераторов с разбитым и опухшим лицом. Битых людей в тот день я видел немало, и хотя это грустно, а надо сказать правду: очень многие из них оценивали синяки и царапины свои несколько высоко, как, примерно, солдаты - георгиевский крест. В этой повышенной оценке чувствовалось нечто смешное и конфузлившее, ибо ведь шишка от удара на затылке человека не всегда свидетельство мужества его.

У Н.Ф. был очень большой синяк под глазом и, если не ошибаюсь, была разбита губа. Но казалось, что он забыл об этом или вообще не заметил. Все другие тоже как будто не замечали этого, а когда Н.Г.Гарин-Михайловский сказал что-то сочувственное, он услышал, должно быть, не очень любезный ответ, потому что смутился и, покраснев, отошёл.

Н.Ф. очень оживлён, мягко улыбался, дружелюбно командовал. Сказал краткую речь о необходимости гласного протеста против действий полиции; стоявшая рядом со мной Капитолина Назарьева "единогласно" откликнулась:

- Всех и вышлют из Петербурга.

- Не знаете куда? - спросил Н.Ф. и усадил кого-то писать протест.

Но, должно быть, вспомнив поговорку "Без спора скоро, да не крепко", несколько голосов заговорило о литературных недостатках протеста. Тогда Н.Ф. сказал очень серьёзно:

- Прошу, господа, подписывайте в порядке алфавита! - и, помнится, подписался первым.

Е.А.Соловьёв-Андреевич, человек, который не любил говорить о людях хорошо, сказал:

- Есть в Анненском что-то неотразимое, импонирующее, - и, покусав губу, пьяную, как всегда, добавил, вздохнув:

Н. Ф. Анненский. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Поистине "рыцарь без страха и упрёка". При этом - весёлый рыцарь,

9 января 1905 года я с утра был на улицах, видел, как рубили и расстреливали людей, видел жалкую фигуру раздавленного "вождя" и "героя дня" Гапона, видел "больших" людей наших в мучительном сознании ими своего бессилия. Всё было жутко, всё подавляло в этот проклятый, но поучительный день.

И одним из самых жутких впечатлений моих этого дня был Николай Фёдорович Анненский - в слезах. Я увидел его в вестибюле Публичной библиотеки, забежав туда зачем-то, Анненского вели под руки, - не помню кто, кажется, Т.А.Кроль и ещё кто-то. Я вот сейчас вижу перед собою его хорошее лицо, невыразимо измученное, в судорогах и мокрое от слёз. Рыдал он, кажется, беззвучно, но показалось мне, что он оглушительно кричит.

Наверху, в зале библиотеки, истерически шумели, точно на погибающем пароходе. Николай Фёдорович, поддерживаемый под руки, медленно, как очень древний человек, спускался с лестницы, ноги его подгибались, и он плакал.

Я много видел слёз отчаяния и скорби, но мне думается, что слёзы Н.Ф.Анненского в день 9 января - самые страшные и сжигающие душу человеческие слёзы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в сборнике М.Горького "Воспоминания. Рассказы. Заметки", издание "Книга", 1927.

Воспоминания о Н.Ф.Анненском, очевидно, как отклик на его смерть, были задуманы М.Горьким в 1912 году. Редактор журнала "Вестник Европы" Д.Н.Овсянко-Куликовский 24 апреля 1913 года писал М.Горькому: "На пароходе" печатается в майской книге. Ждём других очерков, а равно и повести и воспоминаний об Н.Ф.Анненском" (Архив А.М.Горького).

Начиная с 1927 года, очерк включался во все собрания сочинений. Печатается по тексту девятнадцатого тома собрания сочинений в издании "Книга", сверенному с рукописью (Архив А.М.Горького).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!